КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Мая. № 9. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

БЕСѢДА

ГОСПОДА СЪ САМАРЯНЫНЕЮ.

Избѣгая враговъ, которыхъ пріобрѣло Господу Его пребываніе въ Іерусалимѣ и ученіе въ храмѣ, Господь оставилъ Іерусалимъ и шелъ въ Галилею. Это была сѣверная часть іудейскаго царства. Жители этой области за близость къ язычникамъ и за частыя съ ними торговыя сношенія, вредившія нѣсколько чистотѣ ихъ вѣры, были въ такомъ презрѣніи у іерусалимскихъ іудеевъ,—хотя и были съ ними одной крови и одной вѣры,—что слыли чуть не язычниками, и самая страна эта извѣстна была подъ именемъ *языческой Галилеи.* Однако въ этой полуязыческой странѣ І. Христосъ провелъ свое дѣтство и юность; въ ней Онъ началъ Свою проповѣдь; въ ней совершилъ первое чудо—претвореніе воды въ вино; въ ней Онъ встрѣтилъ наибольшее сочувствіе и вѣру и пріобрѣлъ лучшихъ учениковъ. Въ нее-то Онъ удалялся и теперь изъ православной Іудеи.

Надо было проходить чрезъ Самарію, третью область іудейскаго царства, лежавшую между Іудеей и Галилеей. Эта область нѣкогда была населена единокровными іудеямъ потомками Іакова; но за сто лѣтъ до разрушенія царства іудейскаго Навуходоносоромъ, жители Самаріи, составлявшіе въ то время особое царство израильское, уведены были въ плѣнъ ассирійскій и на мѣсто ихъ были поселены разноплеменные язычники, которые вскорѣ приняли законъ Моисеевъ, не оставляя въ тоже время и своихъ языческихъ суевѣрій, отчего и составилась смѣсь язычества съ іудействомъ, извѣстная подъ именемъ самарянскаго раскола. Іудеи, со времени плѣна вавилонскаго очень ревнивые къ чистотѣ своей крови и вѣры, гнушались этими раскольниками, хотя сіи послѣдніе и искали сближенія съ ними. Послѣ неоднократныхъ попытокъ къ сближенію, съ презрѣніемъ отринутыхъ іудеями, самаряне стали наконецъ во враждебныя отношенія къ сосѣдямъ, имъ удалось основать свой особенный храмъ на горѣ Гаризинъ, который имѣлъ для нихъ такое же значеніе, какое имѣлъ для іудеевъ храмъ іерусалимскій. Съ ненавистію, худо прикрытой личиной презрѣнія, іудеи смотрѣли на этотъ храмъ, и наконецъ одному изъ ихъ царей удалось разрушить его. Проклиная утѣснителей, самаряне продолжали совершать богослуженіе на священныхъ для нихъ развалинахъ, ставшихъ теперь для нихъ вдвое дороже. Теперь, составляя одно политическое тѣло, находясь подъ однимъ чужеземнымъ игомъ, іудеи и самаряне продолжали питать такую взаимную вражду, что, кромѣ оффиціальныхъ и торговыхъ, рѣшительно никакихъ не имѣли между собою сношеній, хотя бы это было ничто иное какъ самая обыкновенная услуга въ общежитіи,—точь въ точь какъ вражда закоренѣлыхъ раскольниковъ къ намъ православнымъ.

Чрезъ эту-то враждебную страну проходилъ I. Христосъ съ учениками. Было около полудня; утомленный зноемъ, Онъ сѣлъ у колодца близъ небольшаго городка Сихаря; ученики пошли въ городъ купить съѣстнаго. Въ это время пришла на колодезь за водою женщина изъ города; почерпнувъ воды, она собиралась было идти назадъ, но вдругъ I. Христосъ попросилъ у ней пить. Эта, очень обыкновенная сама по себѣ, просьба очень удивила ее въ устахъ іудея, какимъ она тотчасъ признала Іисуса по выговору и, вѣроятно, по одеждѣ. «Какъ это ты, Іудей, просишь пить у меня, Самарянки?» возразила она.—Если бы ты знала, отвѣчалъ I. Христосъ, какой даръ въ лицѣ Моемъ посылаетъ тебѣ Богъ и кто говоритъ съ тобою, то ты бы сама стала у меня просить и Я далъ бы тебѣ живую воду.— Очевидно I. Христосъ хочетъ, по своему обыкновенію, возвести ея мысль отъ чувственныхъ предметовъ къ предметамъ духовнымъ и называетъ живой водой благодать Божію. Но Самарянка, какъ женщина простая, не поняла этого сравненія, очень обыкновеннаго у пророковъ, которыхъ впрочемъ самаряне и не принимали, и, думая, что Онъ разумѣетъ обыкноенную ключевую воду, съ недоумѣніемъ возразила: «да тебѣ, господинъ мой, и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ: такъ откуда же взять живую воду? Неужели ты искуснѣе отца нашаго Іакова, давшаго намъ этотъ колодезь, изъ котораго и онъ самъ пилъ, и сыновья его, и стада».—Продолжая постепенно раскрывать ей свою мысль, I. Христосъ отвѣчалъ: «всякій, пьющій эту воду, опять почувствуетъ жажду; а вода, которую я дамъ, утолитъ жажду навсегда и сдѣлается для пьющаго ее источникомъ жизни вѣчной».—Понятія женщины были до того грубы, что и теперь еще она не понимала I. Христа и, все думая

объ обыкновенной водѣ, съ усмѣшкой недовѣрчивости сказала: «такъ дай мнѣ, господинъ мой, этой воды, чтобы мнѣ уже не ходить болѣе сюда». Поди, позови мужа и приди, сказалъ І. Христосъ. «У меня нѣтъ мужа» сказала Самарянка.—Правда, отвѣчалъ І. Христосъ: потому что у тебя ихъ было пять и настоящаго дѣйствительно уже нельзя назвать твоимъ мужемъ.—Пораженная этимъ всевѣдѣніемъ, Самарянка воскликнула: «вижу, Господи, что Ты—пророкъ!» И тотчасъ обращается къ Нему за рѣшеніемъ спорнаго въ то время между іудеями и самарянами вопроса о законности іерусалимскаго и гаризинскаго богослуженія. «Отцы наши, совершали богослуженіе на этой горѣ,—продолжала она, указывая на гору Гаризинъ, на которой виднѣлись развалины храма,—«а вы, іудеи, утверждаете, что богослуженіе должно совершать въ Іерусалимѣ: на чьей же сторонѣ правда?»—Женщина! отвѣчалъ І. Христосъ, вѣрь мнѣ, что наступаетъ время, что ни на этой горѣ, ни въ Іерусалимѣ не будете совершать богослуженіе Отцу Небесному: значитъ споръ этотъ скоро потеряетъ всякое значеніе. Впрочемъ, мы, іудеи, правѣе васъ, потому что наше богослуженіе законно и по мѣсту, и по сущности своей, такъ какъ мы имѣемъ вѣрныя понятія о Богѣ и Его волѣ, чего нельзя сказать объ васъ, самарянахъ. Но повторяю, настанетъ время, да уже и настало, что истинные поклонники будутъ служить Отцу Небесному не грубыми, вещественными жертвоприношеніями, привязанными къ одному мѣсту, какъ теперь, а духомъ, и не прообразовательными обрядами, которые служатъ только тѣнью будущаго, а истиною, т. е. служеніемъ, имѣющимъ самостоятельное значеніе и силу. Богъ есть духъ, и ему должно служить духомъ и истиною. Не совсѣмъ еще понимая высокія эти идеи, Самарянка сказала: «я знаю, что придетъ

Мессія (т. е. Христосъ),—онъ объяснитъ намъ все это и рѣшитъ всѣ вопросы и недоумѣнія». Это я самый, отвѣчалъ І. Христосъ. Съ полною вѣрою принявъ это неожиданное открытіе, Самарянка въ восторгѣ покидаетъ водоносъ и бѣжитъ въ городъ съ радостною новостью. «Подите, говорила она жителямъ, посмотрите на человѣка, который разсказалъ мнѣ всю мою жизнь; ужь не Онъ ли Христосъ?»

Между тѣмъ, воротившіеся изъ города ученики съ удивленіемъ увидѣли, что учитель бесѣдуетъ съ Самарянкой; однако почтеніе не позволяло имъ сдѣлать Ему замѣчаніе, они только предложили ему подкрѣпиться пищею. Но, полный возвышенныхъ мыслей, І. Христосъ забылъ въ эту минуту и утомленіе, и голодъ и жажду и думалъ только о своемъ высокомъ предназначеніи. У Меня есть пища, отвѣчалъ Онъ, которой вы не знаете. Моя пища, продолжалъ онъ, поясняя свою мысль недоумѣвающимъ ученикамъ,—состоитъ въ томъ, чтобы творить волю пославшаго Меня и совершить предназначенное Имъ для Меня дѣло. Не говорите ли вы сами обыкновенную пословицу въ утѣшеніе земледѣльцу: «еще четыре мѣсяца—и жатва?» Но Я говорю вамъ, продолжалъ Онъ, указывая на толпы приближающагося народа,—поднимите глаза и посмотрите, какъ нивы побѣлѣли и уже готовы къ жатвѣ. Итакъ Я посылаю васъ жать тамъ, гдѣ вы не трудились, а трудились другіе—(пророки, Іоаннъ Креститель и Я Самъ); вамъ остается пользоваться ихъ трудами, потому что жнецъ получаетъ награду, собирая плоды для вѣчной жизни. На этотъ разъ случилось именно то, что нерѣдко бываетъ въ обыкновенномъ земледѣліи—жать приходится не тому, кто сѣялъ. Впрочемъ, въ духовномъ земледѣланіи—въ воздѣлываніи душъ человѣческихъ и сѣятель и жнецъ—оба имѣютъ причину радоваться».

Пока Онъ говорилъ съ учениками, собрались жители, приготовленные уже самарянкою, они съ довѣріемъ слушали ученіе І. Христа и уговаривали Его остаться у нихъ. І. Христосъ пробылъ у нихъ два дня, и въ это короткое время многіе въ Него увѣровали и признали въ Немъ Мессію, Спасителя міра.

Не поражаетъ ли насъ въ этой бесѣдѣ снисходительность, смиреніе и благость Господа? Господь вступаетъ въ бесѣду съ бѣдной, необразованной женщиной, небезупречнаго поведенія,—съ женщиной, принадлежавшей къ племени, презрѣнному въ глазахъ іудеевъ; снисходительно старается возвысить ея грубыя понятія, терпѣливо сноситъ отъ нея недовѣріе. И чего Онъ ищетъ въ ней съ такимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ? единственно спасенія бѣдной женщины; для этой цѣли Онъ забываетъ усталость, голодъ и жажду, и пренебрегаетъ предразсудками своихъ учениковъ. Къ лицу ли послѣ этого намъ, Его послѣдователямъ равнодушіе, или пренебреженіе къ благу меньшихъ братій, та надмѣнность и даже жестокость, которою мы нерѣдко подавляемъ ихъ. Господь сказалъ, что истинные послѣдователи Его должны служить Ему духомъ и истиною: духомъ ли и истиною служатъ Ему тѣ, которые, не слѣдуя Его примѣру, исполняютъ только церковные обряды, составляющіе только тѣнь истиннаго христіанскаго служенія? Чуждые духа Христова, имѣя только образъ благочестія, силы же его отрекшись, имѣютъ ли они право на имя не то что православныхъ, какъ они величаютъ себя, а даже просто христіанъ? «Аще кто духа Христова не имать, сей нѣсть Его» говоритъ писаніе.

А сколько добра мы всѣ могли бы дѣлать, если бы подражали снисходительности и благости Господа! Посмо-

трите: сколько добра нашелъ Онъ въ Самарянкѣ! какая оказалась въ ней жажда къ духовному, къ небесному! Едва увидѣла она въ І. Христѣ пророка, какъ тотчасъ обратилась къ Нему—не съ жалобою на свою бѣдность и не съ просьбою помочь ей, хотя въ ея положеніи это было бы весьма естественно—нѣтъ, она обратилась къ Нему за рѣшеніемъ такого вопроса, отъ котораго, по ея мнѣнію, зависѣло ея вѣчное спасеніе. Услышавъ, что Онъ есть ожидаемый Мессія, она дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ въ отношеніи къ своимъ согражданамъ самарянамъ тѣмъ, чѣмъ былъ Іоаннъ Предтеча въ отношеніи къ іудеямъ: она приводитъ къ І. Христу жителей, и чрезъ ея посредство Онъ привлекаетъ ихъ къ вѣрѣ. Чтобы оцѣнить вполнѣ ея поведеніе, подумаемъ, спросимъ свою совѣсть,—какія заботы наполняютъ наше сердце, съ чѣмъ мы обращаемся къ Богу въ молитвѣ, по крайней мѣрѣ какой главный предметъ нашихъ прошеній, о чемъ наши самыя горячія мольбы и къ чему устремлена вся наша жизненная дѣятельность.

Итакъ, въ Самарянынѣ, женщинѣ простой и нечуждой пороковъ, оказались гораздо высшія стремленія, чѣмъ какія иногда можно встрѣтить въ высшихъ слояхъ общества, въ лицахъ гордыхъ и своимъ образованіемъ и своимъ значеніемъ въ обществѣ. Впрочемъ это не какая нибудь рѣдкая случайность, напротивъ очень частое явленіе. И учениками Господа и помощниками Его въ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго были, за весьма немногими исключеніями, только бѣдные рыбаки, кающіеся мытари да блудницы, а высшіе сановники іудейскіе были убійцами Его и врагами истины и спасенія рода человѣческаго.

Д.

СТАРИННЫЯ СЕМИНАРСКІЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫХЪ АРХІЕРЕЕВЪ ВЪ ПРАЗДНИКИ РОЖДЕСТВА, ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА И ТЕЗОИМЕНИТСТВЪ АРХИПАСТЫРЕЙ.

(Окончаніе) [1].

Ода на праздникъ св. Пасхи, написаная студентомъ философіи Евгеніемъ Третьяковымъ въ 1812 году.

О ты природы обновитель,
Творяй преславны чудеса,
Спасенья нашего зиждитель!
Почто ликуютъ небеса?
Почто адъ мрачный днесь трепещетъ,
Духъ тьмы въ отчаяньи скрежещетъ?
Отколь на землю миръ пришелъ?
Почто адамовъ родъ ликуетъ,
Почто днесь міръ весь торжествуетъ?
Не Ты ль сіе все произвелъ?
Не могутъ духи просвѣщенны
Такихъ дѣяній совершать;
А человѣки слабы, бренны
Не могутъ оныхъ и понять.
Лишь величать Тебя дерзаютъ,
И въ звучныхъ пѣніяхъ являютъ,
Какъ удивляются тому,

[1]) Начало въ 8 №.

Твоя что мышца сотворила,
Какія благости явила
Всему творенью своему.
Такъ, Ты преобразилъ вселенну,
И нову жизнь ей даровалъ;
Природу въ мракѣ погруженну
Своимъ Ты свѣтомъ осіялъ.
Ты вся премудро управляешь
И все собою наполняешь,
И въ небѣ со Отцемъ сидишь
Величьемъ божества сіяя,
И въ гробѣ смерть попирая,
Намъ жизнь, спасеніе даришъ.
Твое неслитно воплощенье
Духовный миръ произвело;
Твое тридневно воскресенье
Людей на небо возвело,
Ты Богъ,—и человѣкъ бываешь,
Себя и насъ ты прославляешь,
И нову жизнь даешь ты намъ.
Ты освятилъ плоть нашу бренну
И душу обожилъ растлѣнну,
Нашъ образъ воспріявши Самъ.
Твое ужасное страданье
Избавило страданій насъ,
Тобой подъято поруганье
Прославило насъ въ вѣкъ въ тотъ часъ.
А древо крестное поносно—
Защита намъ,—врагамъ несносно.
И гробъ Твой свѣтлый—намъ чертогъ,
А смерть Твоя животъ намъ вѣчный,

Вина утѣхъ намъ безконечныхъ.
Ты стеръ днесь змѣевъ гордый рогъ,
Воскресъ,—и небо взвеселилось
О воскресеніи Твоемъ,
Что дѣло веліе свершилось
Спасенья вѣрующимъ всѣмъ.
Ликъ ангеловъ днесь веселится,
И пѣть Тебя достойно тщится.
Что Ты насъ съ Нимъ соединилъ,
Безсмертными содѣлалъ смертныхъ,
И небожителями мертвыхъ
И путь намъ въ небеса открылъ.
Воскресъ—и лютый адъ стенаетъ,
Зря власть попранную свою,
Оружіе свое бросаетъ
Всемощну силу зря Твою.
И духи преисподни злобны,
Отчаянія и злости полны,
Зря насъ избавленныхъ отъ нихъ,
Ярятся, но лишь умножаютъ
Тѣмъ муку, коею страдаютъ.
Не страшны болѣ намъ они!
Воскресъ,—и міръ возвеселился,
Какъ плѣнникъ отъ оковъ спасенъ,
Какъ томный странникъ ободрился,
Въ свою отчизну возвращенъ;
И человѣки въ восхищеньи,
И въ радости и изумленьи.
Въ безмолвіи поютъ Тебя.
Но кто воспѣть Тебя доволенъ?
И громъ передъ Тобой безмолвенъ,—

Ты въ насъ прославилъ Самъ себя!
О человѣкъ возоживленный,
Стократъ Ты нынѣ сталъ блаженъ,
Безсмертьемъ снова облеченный,
Ты паче ангелъ вознесенъ,
Изъ ада въ небо ты восходишь,
Въ утѣхахъ жизнь свою проводишь;
На мѣсто тьмы мы свѣтъ лишь зримъ.
О чадо бренное, скудельно!
Твое наслѣдье безпредѣльно,
Чѣмъ ты Творца сихъ благъ почтилъ?
О Боже, всеблагій всещедрый!
Ты сотворилъ спасенье намъ:
И что воздастъ Тебѣ рабъ вѣрный?
Въ сердцахъ Тебѣ воздвигнемъ храмъ.
Когда ты въ небо преселялся,
Быть съ нами вѣчно обѣщался—
Тебя зримъ въ пастырѣхъ своихъ,
Они твой духъ въ насъ населяютъ,
Какъ чтить Тебя насъ научаютъ,—
Спасемся мы,—спасешь какъ ихъ.
Нашъ архипастырь, благодѣтель
Поитъ духовной насъ росой;
Покоя нашего содѣтель
Для счастья намъ Онъ данъ Тобой.
Вонми младенческимъ моленьямъ
Вонми сердечнымъ Ты прошеньямъ,
Коль хочешь насъ—спаси Его;
Къ Тебѣ идетъ стезей прямою
И насъ ведетъ Онъ за собою
Въ чертоги царства Твоего.

А ты, о пастырь нашъ священный,
За скудостію нашихъ силъ,
Не возгнушайся, какъ Смиренный,
Симъ жаромъ, кой намъ духъ явилъ.
Мы чувствуемъ твоихъ благъ цѣну,
Но что дадимъ Тебѣ въ замѣну?
Любови полныя сердца.
Твоихъ ученій не забудемъ,
Да всѣ во вѣкъ едино будемъ
Съ Христомъ у вѣчнаго Отца.

А вотъ и гимнъ 1815 года тоже въ всерадостный день воскресенія воспѣтый студентомъ философіи Кондаковымъ:

Съ горы, о Муза прехолмистой,
Отъ вѣка, гдѣ витаешь ты,
Въ прелестной мантіи волнистой
На радужныхъ крилахъ слети,
Безсмертная, настроить лиру,
Воспѣть гимнъ Богу, дольну міру
Пославшу горню благодать.
Творецъ природы всепревѣчный
Зрѣлъ съ неба какъ Адамъ страдалъ,
Какъ муки страшны, безконечны
Его потомкамъ всѣмъ ковалъ
Во преисподней тьмѣ бездонной
Коварствомъ адъ—діаволъ грозной,
Кого сводъ звѣздный трепеталъ.
И се одѣянъ въ молньи, громы
Во пламенныхъ заряхъ сѣдящъ,
Духами звѣздными несомый
Въ длани рокъ міровъ держащъ,

Является при гласѣ мирномъ
Въ селеньи Богъ Боговъ эѳирномъ;
Завѣса звѣздна поднялась!
Утихли херувимовъ хоры
Склонился ликъ святыхъ челомъ,
Томился слухъ, томились взоры
Со страхомъ внять устъ Божьихъ громъ;
Бѣгъ солнца, звѣздъ остановился;
Се рекъ—сладчайшій гласъ пролился:
«Любовь спасетъ Адамовъ родъ».
Слова сіи по всей вселенной,
Какъ громъ воздушный раздались.
Восторгъ всю тварь объялъ священный
И пѣсни ангелъ прервались;
Лучь радостный проникъ до ада
Сквозь мрачны холмы дыма,—смрада
Зарю спасенья зрѣлъ Адамъ.
Любовь съ небесна сходитъ свода,
Адъ преисподній встрепеталъ
И въ дѣвѣ Авраамля рода
Намъ свѣтъ блаженства просіялъ.
Се облеклась любовь въ плоть тлѣнну,
Чтобъ тварь возвысить смертну, бренну
За насъ распнулась, умерла!
Но чудо тайно, пресвященно!
Се агнецъ въ третій день воскресъ,
И тѣло во Едемъ нетлѣнно
Изъ бездны мрака Онъ вознесъ.
Восторгъ святой объялъ вселенну,
Симъ дивнымъ чудомъ изумленну,—
И царь планетъ блисталъ ярчѣй.

И се завѣса звѣздна вскрылась
Съ небесъ украшена вѣнцомъ!
Христова вѣра ниспустилась—
Драгій залогъ дѣтей съ отцемъ
Въ сладчайшемъ навсегда быть мирѣ;
Пріять же вѣчность въ эфирѣ
Залогъ—надежда съ ней сошла.

Надежда и любовь и вѣра
Суть міра благодатный свѣтъ,
Разятъ собою изувѣра,
И гдѣ они, тамъ рай цвѣтетъ.
Они средь бѣдствій насъ питаютъ
Надеждой счастья подкрѣпляютъ,
Они отраду въ сердце льютъ.

Уже богамъ на жертву ложнымъ
Младенца не приноситъ мать,
Ненастье, бурны дни мятежны
Мня отъ себя тѣмъ удалять.
Кумиры, истуканы пали,
Тутъ храмы Божіи востали,
Сего причина—благодать.

Любимецъ треблаженный неба
О вожделѣнный человѣкъ!
Восходъ Христа—духовна отрада
Златымъ творитъ твой нынѣ вѣкъ.
Ты восхищенъ на лоно счастья,
Не будешь чувствовать ненастья,
Но утѣшаться средь рая.

Блаженъ! поля, луга и горы
Сей гласъ сладчайшій издаютъ;
Божественны, небесны хоры

Удѣлъ твой райскій днесь поютъ!
Блаженъ! пусть грозный адъ мятется
Пусть мщеніемъ горитъ и рвется,—
Покровъ тебѣ—небесъ любовь.

О музъ Иртышскихъ покровитель
Благословенный Іерархъ,
Священной истины блюститель
И сѣятель добра въ сердцахъ!
Вонми глаголъ сыновъ сердечный,
Да днесь воскресшій Богъ превѣчный
Тебѣ ниспошлетъ благодать.

Ода, какъ видите, хоть писана и прежде гимна, но по языку легче, чѣмъ этотъ гимнъ. Выдающихся особенно стиховъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ стихотвореніи, даже поэзіи въ обоихъ мало; но мысль какъ въ томъ, такъ такъ и въ другомъ стихотвореніи дѣльная и трезвая. Ученіе православной церкви не сбивается въ лѣво, какъ это, къ сожалѣнію, примѣчается даже въ знаменитой одѣ Державина: Богъ. Тамъ нѣсколько начальныхъ строфъ обнаруживаютъ совершенный недостатокъ богословской эрудиціи. Тамъ есть и *пространствомъ безконечный*, а безконечнаго пространства нельзя и представить, тамъ есть и *живый въ движеньи вещества*,—мысль, смахивающая на пантеизмъ, и—*теченьемъ времени предвѣчный*—абсурдное понятіе, и *безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества*,—какая-то новая ересь. Тамъ есть *хаоса бытность довременна*, которая описана въ такихъ мудреныхъ чертахъ, что въ нихъ теряется даже грамматическій, не только богословскій смыслъ. Мы это говоримъ вовсе не къ тому, чтобы предпочесть тобольскихъ и уфимскихъ семинаристовъ знаменитому Державину, но чтобы показать, что не смотря на недостатокъ

поэзіи въ семинарскихъ поздравленіяхъ, въ нихъ вездѣ глядитъ свѣтлая, здравая, православная мысль. И мы за это даемъ хвалу сибирской ученической музѣ. Видно, что не одна поэзія изучалась тамъ, а преимущественно богословіе, въ которомъ даже въ виршахъ, украшенныхъ, или можетъ быть и обезображенныхъ миѳологическими представленіями, православное ученіе о Христѣ, Церкви и іерархіи твердо,— и выражается вездѣ съ надлежащею точностію и осторожностію. Вотъ за это достойны хвалы сибирскія семинарскія музы. Воспойте же намъ и еще одну канту:

Пиръ священныхъ раздавайся
Громъ въ превыспреннихъ странахъ,
Жаръ сердечный выражайся
Въ сильныхъ сладостныхъ псалмахъ,
Тридневно въ гробѣ сокровенный
Христосъ во славѣ воскресъ!

Сводъ лазурный, лучезарный
Свѣтъ ярчайшій изливай.
Тучи страшны, громоносны
Пронеслись въ далекій край.
Се солнце правды возсіяло
Изъ гроба днесь къ блаженству всѣхъ.

О сколь радость вожделѣнна
Зрится всюду въ мірѣ днесь,
Вся природа восхищенна
Гимнъ приноситъ Богу въ честь.
Воскресшему изъ мертвыхъ Богу
Да будетъ слава многа во вѣкъ.

Громъ раздоровъ укротился
Сладкій миръ вездѣ цвѣтетъ,

Трауръ въ радость претворился,
Зрю соборъ вездѣ утѣхъ.
Блаженства нашего причина
И радостей воскресшій Богъ.
Смертныхъ родъ днесь веселися
И въ восторгахъ утопай,
Ризы скорбей совлекися,
Чашу радостей вкушай.
Блаженство вѣрное настало,
Христосъ его намъ даровалъ.
Ты, нашъ пастырь, восхищайся,—
Сирыхъ, страждущихъ отецъ;
Ты блаженствомъ наслаждайся
Что устроилъ днесь Творецъ.
Блюди дни пастыря, о Боже,
Для блага общаго,—для насъ.

Студ. философіи Стефанъ Хмилевъ.

Стихи напоминаютъ громозвучный кантъ Екатеринѣ Великой:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ—
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрясъ.

Но въ мысли и развитіи ея совершенно расходятся съ подлинникомъ, которому подражаніе замѣтно только въ внѣшнемъ складѣ канта.

Со временемъ надѣемся представить читателямъ нашимъ плоды нашихъ кіевскихъ музъ на этомъ же полѣ поздравленій архипастырей.

К. Думитрашковъ.

ИЗЪ ПРИВИСЛЯНСКАГО КРАЯ [1]).

Всѣмъ, попавшимъ въ предѣлы такъ называемой греко-уніатской холмской епархіи послѣ мятежа 1863 г., извѣстно то печальное положеніе, въ которомъ она находилась. Русскому, привыкшему къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, къ извѣстному чину и порядку богослуженія, покажется невозможнымъ то, что было здѣсь еще недавно. При въѣздѣ въ селеніе вмѣсто церкви, которую мы привыкли встрѣчать на лучшемъ мѣстѣ, можно было видѣть какое-то деревянное, изрѣдка каменное строеніе, похожее на мучной амбаръ, и только водруженный на верху крестъ напоминалъ, что это мѣсто, посвященное на служеніе Господу. Входите внутрь церкви—повсюду нечистота, неопрятность, слѣды запустѣнія: почернѣвшія стѣны, темныя, безобразно намалеванные образа, потолки, сквозь которые пробивается солнечный свѣтъ, иногда разбитыя стекла въ окошкахъ. Посреди этой печальной картины, самое непріятное впечатлѣніе производили иногда безобразно—уродливыя изваянія святыхъ, часто стоявшія въ главныхъ алтаряхъ. Прислушиваетесь къ совершающемуся богослуженію и не можете разгадать, что это за служба: вечерня, утреня, или обѣдня. На клиросѣ или хорахъ слышится какой-то странный, дико завывающій напѣвъ дьячка, какъ видно руководящагося въ пѣніи соб-

---

[1]) Изъ письма, обязательно сообщеннаго въ редакцію проф. С. С. Гогоцкимъ.

ственнымъ вдохновеніемъ, при чемъ иногда въ уніатскую церковь, построенную вблизи католическаго костела, долетали гудѣніе органа и громкій напѣвъ кричащаго тамъ народа. Были при церкви дьячки, никогда не учившіеся пѣнію, едва, едва знающіе грамоту, попавшіе на клиросъ изъ лагеря повстанцевъ. Въ народѣ стало оскудѣвать усердіе къ храму Божію и его благолѣпію. Но что особенно грустно, такъ это то, что о такомъ подавленіи въ паствѣ усердія къ храмамъ и церковности какъ будто заботилось само уніатское духовенство, явно обнаруживавшее предпочтительное уваженіе къ костелу и польскому языку, ибо на этомъ языкѣ большею частію объяснялось оно съ русскимъ народомъ. Къ чему крестьянину было заботиться о своей церкви, когда ее могъ замѣнить костелъ? Обыкновенно, на открывавшіяся мѣста священниковъ, если это только было возможно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не назначали новыхъ,—и греко-уніаты, остававшіеся безъ пастыря, поставляемы были въ необходимость сперва по нуждѣ, потомъ по привычкѣ и постепенно слагавшемуся при постороннихъ вліяніяхъ убѣжденію, обращаться къ ксендзу, слушать его наставленія, у него исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ. Такимъ образомъ, явилось очень значительное количество перешедшихъ въ латинство; во многихъ приходахъ затруднительно даже было отдѣлить греко-уніатовъ отъ католиковъ, и трудная эта работа, предпринятая впослѣдствіи консисторіею, едва ли пришла къ концу и теперь.

Но въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ все здѣсь измѣнило видъ свой къ лучшему. Построены, исправлены и возобновлены церкви; прилично украшены внутри; появился порядокъ въ служеніи; духовенство пришло къ сознанію необходимости ознакомиться съ церковнымъ уставомъ и соблюдать его, во

избѣжаніе того хаоса при отправленіи богослуженія, который подалъ даже поводъ къ составленію поговорки: *что попыкъ, то типикъ*. Много помогло здѣсь привлеченіе къ народному дѣлу греко-уніатскихъ священниковъ изъ галичанъ, сознательныхъ противниковъ полонизма, а также появленіе и здѣшнихъ мѣстныхъ уроженцевъ—людей новаго поколѣнія, воспитанныхъ на новыхъ началахъ, вдали отъ растлѣвающаго и одуряющаго вліянія отжившихъ латино-польскихъ традицій.

Плодотворная для холмскаго края дѣятельность послѣдняго десятилѣтія не ограничилась однако же однимъ только преобразованіемъ внѣшней, обрядовой стороны церковной жизни, но коснулась и тѣхъ нравственныхъ началъ, которыми обусловливается жизнь народа. Мы говоримъ объ учрежденіи почти въ каждомъ селеніи народнаго училища, гдѣ молодое поколѣніе слышитъ родную рѣчь и пріобрѣтаетъ нужныя для него свѣдѣнія. Конечно, перевоспитываніе народа—дѣло трудное, требующее много усилій, много времени, но оно—самое могущественнное средство, отъ котораго можно ожидать возрожденія народной массы въ духѣ національномъ. Пройдетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ, пока будетъ ощутителенъ результатъ настоящихъ трудовъ; но начало сдѣлано. Если медленно и трудно вообще дѣло образованія народнаго,—тѣмъ труднѣе оно здѣсь, гдѣ на каждомъ шагу, оно должно бороться съ невидимыми препятствіями, гдѣ все приносится въ жертву латино-польской интригѣ [1])....

---

[1]) Здѣшній простой народъ, погруженный въ полное невѣжество и апатію, пока чуждъ стремленія къ саморазвитію, даже къ матеріальному улучшенію своего быта, вовсе не занимается промыслами, мало выѣзжаетъ изъ мѣста жительства, мало видитъ,

Упомянемъ еще здѣсь объ учрежденіи учительской семинаріи, и о коренной реформѣ греко-уніатской духовной семинаріи, и остановимся нѣсколько на попыткахъ разработки исторіи холмской епархіи и остатковъ ея старины. Издававшійся здѣсь въ теченіи 9-ти лѣтъ холмскій мѣсяцесловъ и при немъ календарь для народа заключаютъ въ себѣ много статей, уясняющихъ судьбу этого уголка Руси, который еще недавно былъ предоставленъ въ полное и почти безконтрольное распоряженіе латино-польскаго господства. Русская публицистика обращала вообще мало вниманія на совершавшіяся здѣсь преобразованія, а потому прошла безъ вниманія сказанныя изданія и историческіе вопросы, возбужденные ими; но здѣсь они имѣютъ важное значеніе, ибо заставили духовенство узнать свое прошлое. Въ средѣ здѣшняго духовенства мало-по-малу началъ возникать болѣе правильный взглядъ на минувшее и вмѣстѣ съ тѣмъ последовало распаденіе его на два лагеря; выдѣлились тѣ, которые послушались голоса убѣждавшей ихъ истины, отъ тѣхъ, которые оказывались къ тому совершенно неспособными. Исторія холмской епархіи вызвала изъ мрака прошедшаго тѣни лучшихъ дѣятелей уніатства и наглядно показала, чего можно было бы ожидать въ будущемъ отъ по-

---

знаетъ. На каждомъ, даже мелкомъ торгу, простой человѣкъ, осязательно видитъ пользу грамоты; но здѣсь, по сказаннымъ выше причинамъ, и того не бываетъ. Сильнымъ побужденіемъ для родителей посылать дѣтей въ школу, а для дѣтей—учиться будутъ преимущества, которыя предоставлены новымъ уставомъ о воинской повинности выдержавшимъ испытаніе въ окончаніи ученія въ сельской школѣ. Еще болѣе, кажется, послужило бы къ тому, если бы предоставлялись преимущества грамотнымъ на выборахъ въ общественныя должности.

добныхъ имъ дѣятелей. Между прочимъ, эта же исторія какъ нельзя лучше опровергаетъ высказываемую мысль о томъ, будто бы возможно оставаться уніатамъ, какъ они существовали здѣсь, хорошими русскими, вѣрными подданными. Мысль эта высказывалась нѣкоторыми нашими публицистами, по поводу волненій, обнаружившихся въ одной мѣстности епархіи, при приведеніи въ исполненіе правительственныхъ распоряженій объ исправленіи церковнаго обряда. Питать эту мысль могутъ только люди, незнакомые съ дѣйствительнымъ здѣсь положеніемъ вещей и едва ли вѣрно относящіеся къ исторіи уніи. Лучшимъ доказательствомъ неосновательности этого мнѣнія служитъ самый отказъ нѣкоторыхъ,—къ чести духовенства, очень немногихъ,—священниковъ приступить къ очищенію обряда въ то время, когда имъ до очевидности ясна была необходимость ввести какой либо порядокъ въ церковную службу, и когда они и сами хорошо знали, что требованіе это не только не противорѣчитъ папскимъ булламъ, но напротивъ сами папы неоднократными постановленіями обязывали духовенство къ точному и непремѣнному сохраненію возстановляемаго теперь обряда. Что же мотивировало ихъ отказъ исправить то, что было въ ихъ обязанности сохранить? Несомнѣнно, что въ воспослѣдовавшемъ правительственномъ распоряженіи они увидѣли мѣры къ ограниченію ихъ какихъ-то другихъ, и вовсе не религіозныхъ стремленій. Никакими научными доводами и доказательствами эти лживые поборники старины не въ состояніи подтвердить допущенныхъ ими и подобными имъ нововведеній и безпорядковъ, имѣвшихъ исключительную цѣль — ложью и неправдою сблизить, на сколько возможно, уніатство съ католичествомъ, и открыть болѣе обширный путь къ переходу изъ одного исповѣданія въ другое.

Нужно, чтобы католикъ не чуждался уніатской церкви, видя ее свободною отъ *схизматическихъ* стремленій, но еще нужнѣе, чтобы уніатъ видѣлъ въ косцелѣ свою церковь, ибо это только и *исключительно* это можетъ поддерживать и питать польскія идеи—въ средѣ здѣшняго русскаго населенія. Историческія судьбы греко-уніатства показываютъ, что въ началѣ за уніатами были оставлены всѣ прежніе ихъ обряды и молитвословія, даже безъ прибавленія: *и Сына*, со всѣми богослужебными книгами. Доколѣ уніаты сохраняли въ первобытной чистотѣ свое богослуженіе, они почти ничѣмъ не отличались отъ православныхъ, потому что служили въ тѣхъ же православныхъ храмахъ, по тѣмъ же книгамъ, съ соблюденіемъ тѣхъ же обрядовъ, какіе употребляли православные. Но это продолжалось недолго. Не того желали основатели и поборники уніи—іезуиты, не къ тому стремилась польская политика. Унія не должна была сохранять православные обычаи, питавшіе и поддерживавшіе національное чувство русскихъ и неизмѣнную вѣрность отеческому преданію. Въ этомъ убѣжденіи греко-уніатскіе пастыри сами постепенно разрушаютъ и подрываютъ самостоятельность церковнаго строя и обращаютъ греко-уніатскій обрядъ въ жалкую пародію латинскаго обряда. Уніатство представляетъ ненормальное явленіе. Всякое религіозное вѣрованіе отличается консерватизмомъ. Извѣстная церковь, какъ соединеніе вѣрующихъ, строго блюдетъ за чистотою своего ученія и обряда, ибо въ сохраненіи ихъ видитъ ручательство своего существованія. Не такъ было здѣсь. Епископы сами помогаютъ разрушенію того исповѣданія, блюсти которое они призваны, и потому, исторія уніатства есть исторія его паденія и отождествленія съ католичествомъ. Въ порядкѣ портретовъ бывшихъ холм-

скихъ епископовъ и въ ихъ одеждѣ видна вся исторія уніи. Вотъ предъ вами первые дѣятели и виновники совершившагося единенія съ Римомъ. Они одѣты еще, какъ наши епископы, въ мантіяхъ, съ бородами, иные съ какими то палками въ рукахъ, вмѣсто посоха; но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе видъ ихъ измѣняется, тѣмъ болѣе является отступленіе отъ православныхъ обычаетъ. Мало-по-малу появляются: кардинальское красное оплечье, епископская шапочка въ родѣ ермолки, ксендзовская сутана, старопольскій кунтушъ, длиннополый сюртукъ, бритыя бороды.

Послѣ всего, что сказано, нельзя найти какого-либо основанія отказу со стороны нѣкоторыхъ греко-уніатскихъ священниковъ очистить обрядъ и возстановить его въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до Замосцскаго собора; нельзя оправдывать этого отказа ни религіознымъ чувствомъ, ни уваженіемъ къ преданіямъ отцевъ. Къ какимъ преданіямъ? какихъ отцевъ?—когда преданія отцевъ, да и самыя буллы папъ до очевидности указываютъ на то, что первоначальная унія сохраняла всѣ черты православія и отличалась отъ него только признаніемъ папы главою церкви.

ИЗЪ ЯПОНІИ [1]).

Хакодате. $\frac{\text{3 декабря}}{\text{21 ноября}}$ 1874 г.

Живу я въ Хакодате—небольшомъ японскомъ городѣ, на оконечности острова Езо, на рускихъ картахъ Матсмай

[1]) Изъ письма бывшаго кіево-печерскаго іеромонаха, нынѣ японскаго миссіонера, о. Моисея. Обязательно сообщено въ редакцію студ. ак. свящ. о. Іаковомъ Чепуринымъ.

нарицаемаго. Между двухъ огромныхъ горныхъ хребтовъ, которыми покрыта вся Японія, есть узенькая полоска, много-много въ полверсты. На этой-то полоскѣ, кругомъ омываемой водою, и расположился городокъ. Тутъ впервые, по заключеніи извѣстнаго трактата въ Симодѣ, было основано русское консульство и нѣмцу-консулу построена православная церковь. Тутъ же по времени открылся и первый миссіонерскій станъ.

Миссія занимаетъ самое лучшее мѣсто въ городѣ—на полусклонѣ горы. Остальные жители, даже супротивники наши—инохристіанскіе миссіонеры, всѣ подъ ногами нашими. Церковь маленькая, старенькая, но отлично присматриваемая,—и потому высматриваетъ она очень хорошо. О старости ея можно знать только изъ клировой вѣдомости. При церкви, шагахъ въ 20, домъ,—прежде занимаемый консуломъ,—въ которомъ я живу. Тоже старый, но отлично отдѣланный. Есть садъ, очень тѣнистый, цвѣтникъ, и огородъ, въ которомъ обрѣтается капуста разныхъ породъ, морковь и т. п.

Японцы—народъ славный, но младенцы все. По образованію, разумѣя подъ нимъ распространеніе грамотности и ремеслъ, они куда зашвырнутъ не только насъ, но и почище кого нибудь. Только все это заквашено китайщиной: у всѣхъ какая-то интеллектуальная мертвость. Иного впрочемъ и трудно было ожидать: тутъ больше, мнѣ думается, повліяла историческая жизнь ихъ вообще и гражданскій бытъ каждаго поколѣнія въ частности. Сила надъ слабымъ и малымъ, непризнаніе за ними никакихъ личныхъ, ни даже общечеловѣческихъ правъ, поджоги духовенства къ всякому суевѣрію, самому грубому, и нѣкоторыя дикія понятія о правахъ господина относительно раба и наоборотъ,—

все это способствовало къ отупѣнію и нравственному измельчанію здѣшнихъ обитателей. Для успѣха христіанства, при благопріятныхъ условіяхъ, это—самая хорошая почва. Куда хочешь ворочай японца—онъ твой слуга и рабъ, но это хорошо—при хорошихъ людяхъ. А пусти-ка сюда іезуита—что будетъ!

Мнѣ японцы очень нравятся. Молодежь—народъ въ высшей степени трудолюбивый и усердный. Съ утра до ночи онъ копошится за дѣломъ. Совсѣмъ непохожи на русскихъ празднолюбцевъ, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ такъ много! Съ такимъ народомъ—только дай Богъ силу, дѣло дѣлать можно съ успѣхомъ, да и стоитъ!

Теперь Японія переживаетъ самое критическое время. Во всемъ рѣшительно, начиная отъ государственныхъ законовъ почти до домашней жизни каждаго, идутъ крутыя перемѣны. Никакіе государственные перевороты, по исторіи, легко не доставались государству,—и потому намъ—тутъ я разумѣю людей изъ европейцевъ, желающихъ пользы странѣ, а не эксплоатаціи ея подъ мутную воду,—двойной трудъ. Кромѣ образованія необходима и небольшая временная матеріальная поддержка. Дворянство, народъ преимущественно ученый по здѣшнему, теперь лишено насущнаго хлѣба. Старый народъ—представители войска у частныхъ князей, воспитанный въ томъ духѣ, какъ польская напримѣръ шляхта въ XVI вѣкѣ, разумѣется, никуда негодится. А на новый—много нужно надѣяться, но пока, образуя его, набивая его голову разной мудростію, не надо забыть набить и желудокъ его рисомъ.

Изучаю японскій языкъ теперь. Грамматики нѣту. Нѣсколько способовъ письма, двѣ азбуки—одна 48 крюковъ, а другая штукъ до 500. Множество синонимовъ по произ-

ношенію, но не синонимовъ по значенію, причиною того, что, какъ пояснительный языкъ, употребляется китайскій. Китайскіе знаки, какъ извѣстно, выражаютъ идеи и понятія. Тамъ, стало быть, помни знакъ, и дѣлу конецъ. А тутъ знай смыслъ знака по китайски, произношеніе умѣй читать по японски, да къ нему еще пришивается японскій хвостъ, означающій смыслъ и значеніе этого знака по японски. Три языка почти, такъ сказать, въ одномъ. Пособій никакихъ, кромѣ японско-аглицкаго лексикона, составленнаго довольно удачно американскимъ миссіонеромъ, да опытъ грамматики на французскомъ. Съ помощію этихъ пособій я и одолѣваю премудрость японскую. Французскій маленечко хоть разумѣлъ прежде, аглицкаго нѣтъ, а тутъ—вотъ все сразу надо... Впрочемъ, легкіе разговоры кое-какъ ломаю. Конструкція, главное, трудна. Ни съ какимъ европейскимъ ни чуть не схожа. Да и языкъ: очень много нарѣчій. Купецъ не понимаетъ дворянина, дворянинъ аристократа, книжный языкъ отдѣльный, религіозный—отдѣльный, проповѣдническій—верхъ мѣстнаго краснорѣчія, отдѣльный—извольте все это одолѣть. Впрочемъ пріятно. Пока усталости не чувствую; все, знаете ли, горячка одолѣваетъ—побѣдить. Богъ поможетъ—надѣюсь!

Учитель мой меня довольно ужъ понимаетъ. Разъ я ему сказалъ, чтобъ послѣ 10 часовъ вечера онъ не ходилъ ко мнѣ заниматься: трудно ему: а онъ и ночевать ко мнѣ съ постелью перебрался. Значитъ—понялъ!

Жить тутъ нескучно. Жаль только что скоро летитъ время; въ Кіевѣ его дѣвать некуда: день великъ; тутъ—малъ: не успѣваешь иногда.

Знакомлюсь съ здѣшними христіанами. Нѣсколько воскресныхъ вечеровъ провелъ въ ихъ обществѣ. Спать

еще рано, а потому нѣчто опишу. Японскій домъ состоитъ изъ столбовъ, плотно уставленныхъ на каменномъ, большею частію, фундаментѣ. Покрытъ или черепицею или досками, на которыхъ наложено много камней. Это даетъ дому устойчивость во время такъ частыхъ въ Японіи землетрясеній. Отъ потолка къ низу прибиваются нѣсколько досокъ, затѣмъ— кругомъ деревянныя рѣшетчатыя подвижныя ширмы, оклеенныя тонкой японской бумагой. Полъ—изъ тонкихъ досокъ, устланныхъ толстыми соломенными, превосходной работы, циновками. Посрединѣ комнаты четырехъ-угольный ящикъ, насыпанный золою; въ немъ—горящіе угли, надъ углемъ—чайникъ съ постояннымъ въ немъ кипяткомъ. Кругомъ ящика, поджавъ ноги, сидятъ японцы, и покуриваютъ свои крошечныя трубочки. Обувь у нихъ деревянная, на двухъ каблукахъ весьма высокихъ. Эти сандаліи, при входѣ въ въ комнату, оставляются въ корридорѣ, которымъ часто служитъ улица. Вечеромъ, этакъ часовъ въ шесть, въ большомъ кружкѣ, молча посиживаютъ японцы и сосутъ задумчиво трубочки. Блѣдно-оранжевый цвѣтъ японской свѣчи изъ древеснаго воска, отражаясь на грязно-желтыхъ лицахъ собравшихся, дѣлаетъ замѣтною для глаза ихъ задумчивость. У всѣхъ вопросы въ головѣ. Это они ждутъ миссіонера. Боченокъ или ведро какое, обороченное къ верху дномъ, свидѣтельствуетъ о предназначенномъ для кого-то мѣстѣ. Въ урочный часъ—идешь; входишь во домъ и низенько кланяешься, приговаривая: «мина-санъ, о хайё гозаримасу» (всѣмъ господамъ—какъ здоровье—буквально). А если день холодный, это привѣтствіе не годится. Тогда кланяйся и говори: «конници таксанъ самукуде гозаримасу»—(сегодня очень холодно). Вамъ отъ всей компаніи земной поклонъ съ метаніями третицею и паче—такъ обычай велитъ,

и приговариваютъ: «саё, самуй гозаримасу» — (да, дѣйствительно холодно). Это по ихнему привѣтствіе, и много тому подобныхъ. Послѣ начинается церемонія: всякъ предлагаетъ вамъ свое мѣсто, а вы ему свое—самое высшее. Долго надо упираться, спорить по преимуществу съ хозяиномъ, которому, по этикету, послѣднее мѣсто,—и чѣмъ васъ больше хочетъ уважить хозяинъ и вы ему оказать почтеніе—это выражается пропорціею упрямства. Конецъ: вы должны занять указанное вамъ мѣсто. Хозяйка, въ свою очередь, желая тоже выразить вамъ почтеніе, немедленно подаетъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, тогда какъ у другихъ коротенькіе. Мой поясъ, шитый золотомъ, привлекаетъ ребятишекъ. Сначала подползутъ, потомъ, который посмѣлѣе пощупаетъ, тамъ другіе за нимъ. Молчишь и не глядишь на нихъ. Минутъ черезъ пять—шесть иной уже щупаетъ волосы, ухо и т. д. Затѣмъ, т. е. послѣ трубки, подается японскій чай — зеленый, противный, безъ сахару. Иногда и десертъ: груши и виноградъ. Послѣ всего за дѣло. Трубка въ сторону, японцы скрещиваютъ на колѣнахъ руки и наклоняютъ головы—выраженіе ихъ повиновенія вамъ и имѣющему быть слову. Обсужденіе дѣлъ церковныхъ, общественныхъ, даже и семейныхъ, если они извѣстны. А неизвѣстнаго у японца нѣтъ. Его сердце, большею частію, открыто также, какъ и съ четырехъ сторонъ открытая его хата. Вечера эти мнѣ нравятся. Часто переношусь мыслію къ древнимъ вечерамъ любви въ первенствующей церкви и нахожу, что характеръ этихъ собраній одинаковый съ тѣми. Тутъ всякій идетъ съ тѣмъ, что дала ему жизнь—хорошимъ и дурнымъ, съ своими желаніями и надеждами, съ своими душевными вопросами и сомнѣніями, наконецъ, съ своими слабостями,—все онъ выкладываетъ на судъ обще-

ства, проситъ его совѣта и содѣйствія,—и легко становится на душѣ! Не отдать этихъ сладкихъ минутъ ни за какія блага! И какъ тяжело и чувствительно тогда все ярмо, въ которое запрегъ и поработилъ себя человѣкъ—рабъ глупыхъ обычаевъ и страстей!

Есть и пѣвчіе у насъ: 10 человѣкъ. Поютъ довольно сносно. Басы только плохи. Пѣніе вообще трудно прививается къ японцамъ.

20 числа огласили одного японскаго бонзу. Пришелъ изъ столицы японской предостерегать вѣрныхъ сыновъ Будды отъ обольщенія иностранною вѣрою. Лучшіе наши катихизаторы были, на этотъ разъ, въ Хакодате, и завязалась борьба, упорно длившаяся три мѣсяца. Оппонентъ былъ сильный. Буддизмъ со всѣми его сектами знаетъ превосходно. Въ концѣ концовъ наша взяла: не только не побѣдилъ великій проповѣдникъ, но и самъ обольстился величіемъ новыхъ истинъ, которыхъ до сихъ поръ еще никто ему не сказывалъ. При здоровомъ толкѣ въ головѣ онъ скоро отлично изучилъ вѣру и объявилъ, что оставляетъ свои заблужденія и искренно хочетъ крещенія. Оглашеніе ему дано, но крещенія до Рождества надо пообождать; Савловъ, желающихъ обратиться въ Павловъ, надо подвергать большему искусу. На него много возлагаемъ упованія. Главное условіе успѣха у насъ—это проповѣдь о чемъ хотите, лишь бы она была сказана самымъ краснорѣчивымъ образомъ. А мѣстное краснорѣчіе дается немногимъ и изъ буддійскихъ проповѣдниковъ. А нашему брату о немъ и помышлять нечего. Нашъ новый членъ извѣстенъ своимъ краснорѣчіемъ и слушателей у него будетъ много. Главное, что онъ только что прошелъ большую половину государства съ проповѣдію,

въ которой доказывалъ, что онъ идетъ побѣдить христіанъ. И побѣдилъ! Теперь онъ оставилъ свой храмъ и изучаетъ богословіе по малости, и больше дѣлаетъ спички, и тѣмъ кое-какъ пропитывается. Въ миссіи долго жить на готовомъ содержаніи не хочетъ: значитъ—честность есть. А это очень хорошо.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ КІЕВА И КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Неожиданная жертва. Таращанскаго уѣзда, села Крутыхъ-Горбовъ свящ. о. Іоаннъ Лавитскій находитъ нужнымъ сообщить, какъ говоритъ онъ, о явленіи, какихъ дай намъ Господи побольше! «Дѣло въ томъ,—пишетъ онъ,—что приходъ мой—таращанскаго уѣзда село Крутые-Горбы—находятся въ близкомъ и опасномъ сосѣдствѣ съ селами, зараженными штундизмомъ. Между прочимъ,—какъ на самое дѣйствительное средство защиты моего прихода отъ вліянія на него этой темной ереси,—я усилилъ мое вниманіе на образованіе моихъ прихожанъ и ихъ дѣтей. Богъ помогъ мнѣ общими силами построить новую, помѣстительную школу, найти способнаго, хотя и дешеваго (получающаго четыре рубля 42 коп. с. въ мѣсяцъ) и весьма добросовѣстнаго учителя изъ званія крестьянъ (Евменія Е. Усаченко), который своимъ усерднымъ, способнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ образовалъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ прихожанъ очень удовлетворительный на селѣ хоръ пѣвчихъ. Прихожане съ величайшимъ удовольствіемъ послали своихъ дѣтей въ новую школу. Но какъ народъ далеко небогатый, крестьяне

сильно затруднялись меблировкою и отопленіемъ (3-хъ печей) школы, особенно при существующей дороговизнѣ отопленія и продолжительной холодной зимѣ. Изъ этого существеннаго затрудненія вывелъ ихъ арендующій въ моемъ приходѣ помѣщичье имѣніе *еврей Сруль Лоевъ:* онъ обязался совершенно даромъ два года отапливать на свой счетъ школу и единовременно пожертвовалъ для меблировки школы *пятнадцать рублей серебромъ.*

Фактъ этотъ тѣмъ болѣе отраденъ, что нашъ уѣздъ особенно наполненъ евреями, которые, забравши въ свои руки всѣ статьи промышленности и торговли, и преслѣдуя лишь собственные интересы, слишкомъ враждебно относятся къ образованію нашего крестьянина. И объ одномъ только словесномъ сочувствіи еврея къ образованію нашего крестьянина, а тѣмъ болѣе сочувствіи, выраженномъ матеріально и совершенно безкорыстно, у насъ нѣтъ и слуху. Дай Господи, чтобы примѣръ Лоева былъ примѣромъ и для другихъ посессоровъ, у которыхъ только и пріобрѣтаютъ деньги наши крестьяне».

Печатать дозволяется 3 Мая 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Тип. аренд. С. В. Кульженко.